

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДЕЛЫ МИФОТВОРЧЕСТВА

УДК 303.82+93/94

DOI: 10.35103/SMSU.2022.96.16.025

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИФОТВОРЧЕСТВА. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Садовой Александр Николаевич

Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр
Российской академии наук» (г. Сочи, Россия)

Аннотация

При анализе «исторического мифотворчества» предлагается использование методологических принципов системного и процессного подходов. С одной стороны, феномен рассматривается в качестве социальной установки (сфера социальной психологии), как одной из форм регуляции внутри- и межэтнических отношений. С другой, в качестве многокомпонентного, иерархически соподчиненного, многофакторного социального процесса разновекторной направленности (область социальной и прикладной антропологии). Органическое сочетание подходов включает в предметное поле исследования: а) акторов процесса (юридических и физических лицах, социальных институтов); б) этапов развития; в) административных и финансовых ресурсов (как факторов воздействия); г) выполняемых функций (как социальной установки) на каждом из уровней системы коммуникационных связей между тремя сферами национальной политики (управления, политики, информационного обеспечения). Смена научных парадигм объективно формирует возможность определения «зон ответственности» за использование «исторического мифотворчества» в качестве социальной технологии, инициирующей дестабилизацию этносоциальной обстановки и фальсификацию государственной и этнической истории.

Ключевые слова: методология, прикладная антропология, социальные установки, сферы национальной политики, этнологические экспертизы, этносоциальный мониторинг

ETHNIC ASPECTS OF MYTH-MAKING. RESEARCH METHODOLOGY

Sadovoy Alexandre Nickolaevich

Federal Research Centre the Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of
Sciences (Sochi, Russia)

Abstract

The methodological principles of the system and process approaches are proposed in the "historical myth-making" phenomenon analysis. On the one hand, the phenomenon is considered as a social attitude (the sphere of social psychology), as one of the forms of regulation of intra- and inter-ethnic relations. On the other hand, as a multicomponent, hierarchically subordinated, multi-factorial social process of a multi-vector orientation (the field of social and applied anthropology). The organic combination of approaches includes in the subject field of research: a) process actors (legal entities and individuals, social institutions); b) stages of development; c)

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания ФИЦ ШЦ РАН № 0492-2021-0014.

administrative and financial resources (as factors of influence); d) functions (as social attitudes) at each level of the system of communication links between the three areas of national policy (management, policy, information support). The scientific paradigms change objectively creates the possibility of "responsibility areas" defining for the "historical myth-making" use as a social technology, that initiates the ethno-social situation destabilization and the ethnic and history falsification.

Keywords: methodology, applied anthropology, social attitudes, spheres of national politics, ethnological expertise, ethnosocial monitoring

Введение (Introduction)

При экспертной оценке этносоциальной обстановки вне зависимости от территориальных и хронологических рамок исследования объективно проявляется необходимость выявления и фиксации спектра социальных установок, оказывающих прямое или косвенное воздействие на характер межэтнических коммуникаций [9, с. 398–402]. В основе последних, как правило, прослеживаются латентные (скрытые) формы столкновения групповых интересов (политических, экономических, социокультурных и т.д.), сформулированных в среде ограниченного круга лиц, представляющих национальные элиты. Фактически, феномен этнической стратификации, процесса формирования социальных институтов (кровнородственных объединений), традиционно (из поколения в поколение) контролирующей сферы жизни «своего» народа (этноса) или этнической группы, приводит к перманентному процессу исторического обоснования «исключительности». Причем, вне зависимости от уровня интеграции национальных элит в институты государственной власти и готовности элит титульного этноса признать особый социальный статус за отдельными семьями или кланами. В отдельных случаях – сам факт не только этнической, но и этносоциальной стратификации. Объективно, процессы интеграции или адаптации этнических меньшинств к динамично меняющейся в прошедшие три столетия политической, экономической и социокультурной среде Российской империи, СССР, Российской Федерации не могли и не могут не иметь бесконфликтного характера. В связи с этим одной из задач национальной политики выступает поиск социальных технологий нейтрализации конфликтов на этапах: возникновения, осознания объективной конфликтной ситуации и ее разрешения. Эффективность политики во многом определялась в ограничении силовых форм воздействия на участников конфликта.

Мы руководствуемся положением, что исследование механизма (комплекса причинно-следственных связей) любого межэтнического или межконфессионального противостояния диктует необходимость определения их акторов (персонализации). Связано это с тем, что в этнической истории, как основы этнической самоидентификации, остаются не только факты отражающие причины, ход, социальные последствия межэтнических конфликтов. Остается память: а) о лидерах национальных движений, иницирующих изменение курса национальной политики и представителях государственных органов власти, оказывающих им противодействие; б) об инициаторах создания, разрушения, восстановления памятников историческим деятелям; в) о проявлении (формах, содержании) рефлексии на изменение этносоциальной и конфессиональной обстановки на этапах системного кризиса государственности и исторических прецедентах использования этого кризиса (социальных технологиях) в соответствии с этническими интересами; в) о «творцах» этнической истории и т.д. В этом

контексте историческое мифотворчество выступает как перманентный социальный процесс, генезис и механизм которого можно раскрыть на уровне междисциплинарных исследований. Это, с свою очередь, ставит задачу поиска «стыка» методологических подходов, апробированных в общественных и гуманитарных науках при исследовании факторов прямого и косвенного воздействия на национальную политику и тренды изменения этносоциальной обстановки.

Исторический миф в предметном поле социальной психологии, этнологии и социальной антропологии (Historical myth in the subject field of social psychology, ethnology and social anthropology)

Персонафикация истории межэтнических конфликтов, объективно, актуализирует исследование социальных установок современных лидеров, использующих этническую самоидентификацию в качестве одного из «социальных лифтов» вхождения во власть», социальной технологии изменения курса национальной политики, лоббирования групповых интересов в сфере этнических секторов региональной экономики и т.д. Отталкиваясь от концепций о структуре социальной установки личности (аттитюда), разработанной М.Б. Смитом [22] или ее функций, выявленных в начале 1960-х гг. Д. Кацем, методологических подходов и методик прикладной антропологии [5; 7], используемых при анализе и характеристике текущей этносоциальной обстановки, можно существенно расширить хронологические рамки исследования «исторического мифа» как феномена или явления. Суть предложения заключается в анализе исторического мифотворчества в контексте определения его места в системе социальных коммуникаций между этническими меньшинствами и структурами российского государства, отвечающими за проведение национальной политики. В этом контексте историческое мифотворчество выступает в качестве перманентного этнокультурного процесса, оказывающего прямое или косвенное влияние на генезис органов власти, формы государственного устройства, политические режимы, идеологию и содержание современной национальной политики и политических платформ национальных общественных объединений, как институтов гражданского общества.

В предложенном контексте каждый из трех структурных компонентов социальной установки (по М.Б. Смигу) современных представителей национальных общественных движений представляет интерес с возможностью очерчивания основных признаков (индикаторов) исторического мифотворчества, как следствия долго- и среднесрочных социальных процессов.

Когнитивный (познавательный) компонент в качестве определения (реконструкции) как комплекса представлений, суждений по природе и истории межэтнических отношений на всех этапах этнической истории, так и источников (включая историографические), на основе которых эти представления были сформированы.

Аффективный (эмоциональный) компонент – на основе выявления причин и динамики изменения отношения к национальной политике и текущей этносоциальной обстановке (резкое неприятия, амбивалентное, позитивное отношение).

Поведенческий компонент – через выявление апробированных несколькими поколениями социальных технологий реализации групповых (этнических) интересов.

Следует акцентировать внимание на том, что в отличие от социальной (вариант: этнической) психологии объектом исследования выступают не психотипы личности или формы групповых интересов, выраженные в конструкте того или иного исторического мифа, а механизм его формирования. В силу этого когнитивный компонент рассматривается в качестве «основного» (базового) в котором в той или иной мере отражается накопленный этносом (этнической группой) опыт эмоциональной (аффективной) и поведенческой реакции на проводимую по отношению к нему политику.

Отталкиваясь от функций исторического мифотворчества как одной из социальных установок, направленных на удовлетворение тех или иных потребностей (подход, предложенный Д. Кацем), схема концептуального решения поставленных задач по выявлению механизма исторического мифотворчества и его этнических составляющих может выглядеть несколько иначе. Внимание акцентируется на форме проявления этих функций и выявлении их локальной специфики во времени и пространстве.

Инструментальная (адаптивная) функция проявляется через осознанную деятельность личности или отдельных групп по формированию мифа с целью наиболее эффективной адаптации к окружающей среде (политической, экономической, этносоциальной).

Эгозащитная функция ориентирована на сознание «сокрытие» той информации о себе, группе, событиях, которая может привести к снижению социального статуса. То есть к формированию негативного аттитюда по отношению к своей социальной (этнической, конфессиональной, имущественной и др.) группе. На эту функцию следует обратить особое внимание в силу четко выраженной на постсоветском пространстве тенденции пересмотра исторических концепций, сформированных за последние несколько столетий в сторону групповых интересов, в «защиту» которых выступают представители четко определяемых социальных страт, имеющих также устойчивые источники финансирования и каналы массмедиа.

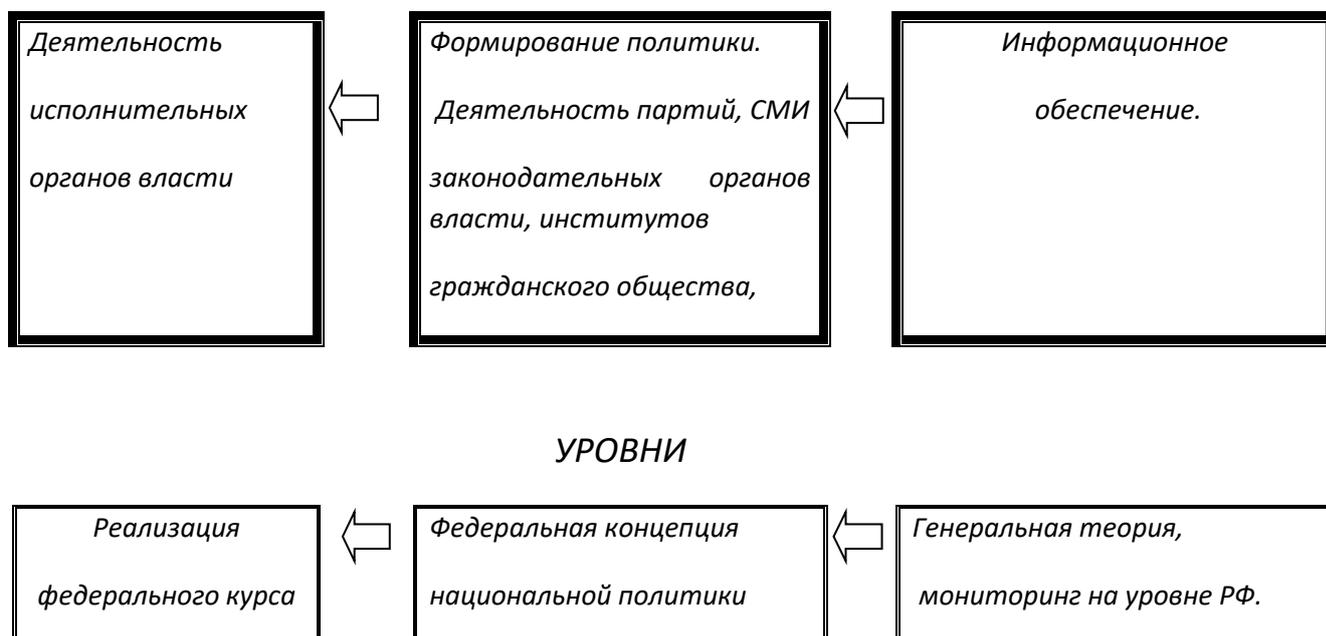
Функция выраженных ценностей (самореализации) проявляется в повседневной деятельности личности или социальной группы в соответствии со шкалой, традиционной для этнической, конфессиональной и других групп, направленной не только на повышение самооценки, но и закрепление социального статуса. Как следствия – этнической и этносоциальной стратификации. Родовые или семейные предания выступают в этом случае основой для обоснования места (в политическом движении) представителей отдельных семей и кланов.

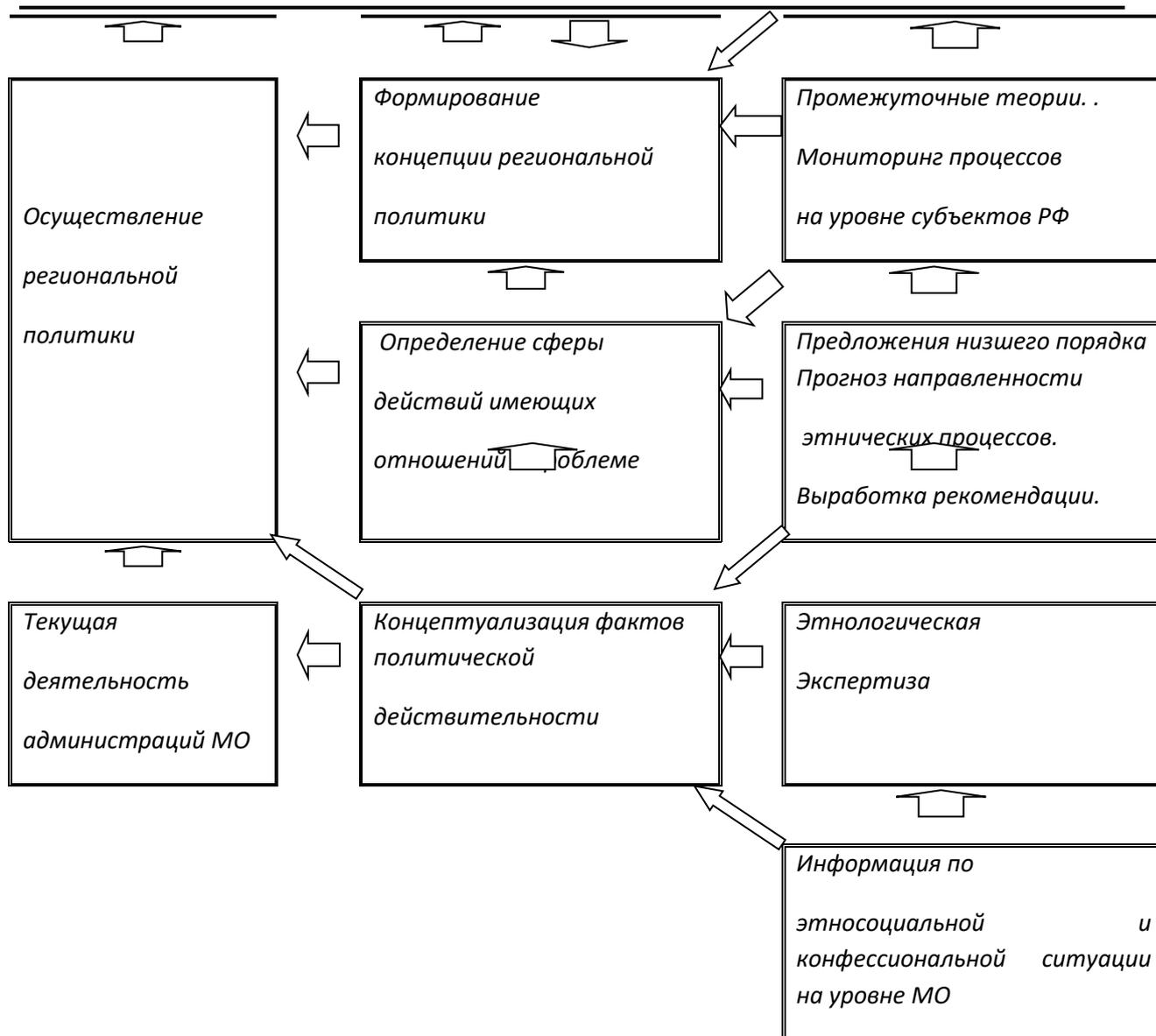
Функция организации знаний проявляется в стремлении личности (группы) к смысловому упорядочиванию системы социальных коммуникаций (включая межэтнические). Функция направлена на оценку поступающей извне (этнической группы) информации и ее соотнесение не только с существующими мотивами, ценностями и интересами. На этой основе как этнической группе, так и личности удается избежать восприятия динамично меняющейся этносоциальной обстановки как «неопределенной» или «несущей угрозу». Одновременно функция интерпретации характера внешнего воздействия на этнические интересы и обоснования реакции группы на эти формы воздействия (на основе исторических прецедентов). Реакция может быть разной – от мирных форм адаптации к меняющейся обстановке до силовых форм противодействия.

Примеры использования методологических подходов социальной психологии при исследовании феномена социальной установки по отношению к историческому мифу органически вписываются в широко распространенный в этнологии и социальной антропологии структурно-функциональный анализ. Метод, позволяющий рассматривать исторический миф в качестве идеологемы, несущей строго заданные в соответствии с этническими интересами функции. Научной категории, входящей, в свою очередь, в предметную область политологии. Исторический контекст мифотворчества как этнического процесса в этнологии, в отличие от других общественных и гуманитарных дисциплин, проявляется в более широких хронологических рамках исследований. Если в политологии, социологии, социальной психологии они охватывают, как правило, последние десятилетия, то в этнологии, социальной и культурной антропологии этот процесс рассматривается в контексте анализа этногенеза и культурогенеза – процессов, охватывающих несколько столетий. В связи с этим, структура и функции социальных установок рассматриваются в качестве проявления историко-культурного наследия. А современные трактовки и оценки этнической истории, свойственные для представителей национальных общественных объединений, в логической взаимосвязи с выявленными историографическими источниками. Как показывают пилотажные исследования, значительная часть из этих оценок не имеет характера «новизны». Многие из них имеют зафиксированное в исторической литературе авторство и неоднократно подвергались обоснованной научной критике.

Методологические подходы выявления этнической составляющей исторического мифотворчества в концепции информационного обеспечения национальной политики (Methodological approaches to identifying the ethnic component of historical myth-making in the concept of information support of national policy)

Таблица Модель информационного обеспечения национальной политики
СФЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Феномен исторического мифа можно исследовать на основе методологических подходов, неоднократно апробированных как в отечественной, так и зарубежной историографии. При этом следует акцентировать внимание, что в зависимости от выбора методологии и предметной области формат исследования в области социальной и культурной антропологии, содержание сформированных рабочих гипотез могут иметь существенные отличия. Остановимся на двух методологических подходах, системном и процессном, которые по результатам проводимых пилотажных исследований в сфере прикладной антропологии, могут привести к качественному изменению предметного поля и переоценке имеющихся концепций по механизму и содержанию исторического мифотворчества как этнического процесса.

Системный подход. В отечественной историографии, посвященной проблемам традиционных форм экономики их экологической обусловленности, социальной организации меньшинств, этнической истории, национальной политики, смена научных парадигм во многом определялась разработкой общей теории систем в работах начала 1970-х гг. И.В. Блауберга и Э.Г. Юдина [15; 16]. В настоящее время, фактически все значимые работы, отражающие алгоритм

исследования этносоциальной обстановки (этнологические экспертизы, этнологический мониторинг), базируются на принципах системного подхода [2; 6; 12; 13] и использования апробированных в естественных и общественных науках методик полевых и камеральных исследований [5; 7]. Следует отметить, что существенных отличий в сфере научно-прикладных этнологических исследований в отечественной и зарубежной историографии нет [24].

Опыт его использования в американской историографии, посвященной применению этнографических знаний в современной политической практике базируется на осознанном и последовательном разделении трех сфер деятельности в области национальной политики: управленческой, политической, информационной сфер [13], представленных на всех иерархически соподчиненных уровнях социальных коммуникаций конкретными социальными институтами и персонифицированными зонами социальной ответственности (см. таблицу). В стране с полиэтничным составом населения эта система коммуникаций в той или иной мере отражает как общенациональные, так и этнические интересы, в которых исторические мифы можно рассматривать в качестве социальных установок в зависимости от политической обстановки выполняющих те или иные функции.

К первой (*управленческой*) отнесена деятельность органов исполнительной власти, в той или иной мере, затрагивающая этнические интересы. С учетом иерархической и территориальной соподчиненности органов исполнительной власти анализ эффективности политики в политической, экономической и социокультурной сферах осуществляется на микро- (сельские анклав, этнические сообщества городов и т.д.), мега- (субъекты, штаты/региона/области и т.д.) и макро- (межрегиональный, федеральный, межгосударственный) уровнях. Содержательная часть политики по отношению к этническим меньшинствам может быть выражена в разных шкалах индикаторов, включая и индикаторы устойчивого развития, качества жизни, использования «человеческого капитала» и т.д. Формирование и развитие социально-экономической и социокультурной (система образования, здравоохранения, сеть учреждений культуры) инфраструктуры в районах с полиэтничной структурой населения, однозначно, выступает проявлением национальной политики государства.

В управленческой сфере феномен исторического мифотворчества имеет латентную форму, может проявляться как элемент социальной технологии в ходе реализации «культурной политики», сформированной органами законодательной власти, при использовании административных и финансовых ресурсов в реализации проектов: а) по формированию страты «национальная интеллигенция» в сфере науки, образования, культуры; б) при разворачивании сети национально-культурных центров, включая клубы, музеи и театры и т.д.; в) публикации учебных материалов для высших и средних учебных заведений, в содержательную часть которых могут органически «вписаться» положения, напрямую относящиеся к концепции «исторического мифа». Здесь следует особо акцентировать внимание на порочности современной отечественной практики, при которой именно органы исполнительной власти рассматриваются в качестве основных «виновников» провалов национальной политики, индикаторами которого выступает центробежные тенденции социокультурного развития, проявления шовинизма и сепаратизма. Следует отметить, что в отличие от органов законодательной власти и политических институтов (партий, движений, центров) представители исполнительной власти, как правило, не формируют национальную политику.

Особенно на региональном и муниципальном уровнях. Их задача – поиск и апробация социальных технологий, направленных на достижение поставленных целей и задач в нормативных документах определяющих стратегическую линию решения «национального вопроса».

Содержательная часть зачастую является вторичной. Как правило, на уровне региональных и муниципальных органов исполнительной власти проблема средне- и долгосрочных социальных последствий проводимой национальной политики не ставится. Связано это с тем, что любая форма «творческого подхода», не относящаяся к выполнению должностных обязанностей, пресекается. Как показывает отечественная история, культурная политика всегда вторична по отношению к обеспечению внешней и внутренней безопасности страны, развитию коммуникаций и внутреннего рынка, выравниванию уровней экономического развития субъектов страны.

Политическая сфера помимо органов законодательной власти объединяет широкий спектр социальных институтов от политических партий до конфессиональных, национальных, экологических и других организаций, в функции которых в той или иной мере входит формирование курса (концепций) социальной политики (включая национальную, конфессиональную, демографическую, экологическую). В последние десятилетия в качестве самостоятельного актора политических процессов, оказывающего прямое воздействие на формирование социальных установок и проведение национальной политики выступает массмедиа. В политической сфере также прослеживаются четко выраженные принципы территориальной целостности и иерархической соподчиненности социальных институтов. Соподчиненность прослеживается в том, что нормативные документы, отражающие Стратегию национальной политики [14] формируются на федеральном уровне с учетом норм международного права, на основе синтеза концепций и программ социально-экономического и культурного развития народов РФ, сформированных на региональном уровне тех концепции социокультурного развития народов России, которые по мнению политиков, являются наиболее приемлемыми для обоснования поставленных целей и задач. В этой связи следует акцентировать внимание, что именно в политической сфере, имеющей прямой выход на подавляющее число массмедиа и определение источников финансирования издания учебных материалов четко выраженной «национально-либеральной» (шовинистической?) направленности [1; 3; 4; 8], формируются исключительно благоприятные условия для любых форм проявления исторического мифотворчества. Причем любых форм его проявления от обоснования преемственности «передачи» власти по принципу клановой принадлежности или этнической идентификации. До обвинений политических оппонентов в национализме, сепаратизме, сохранении «архаичных» социальных институтов и регуляторов на основе норм обычного права или религиозных канонов [11] и т.д. С учетом того что в последние десятилетия в политическую сферу были выведены многочисленные представители общественно-политических кафедр вузов СССР, имеющих опыт идеологической работы, сложилась парадоксальная ситуация, при которой эта социальная страта «монополизировала» право на формирование «экспертных оценок» как по современным этнополитическим процессам, так и по содержанию проводимой органами исполнительной власти национальной политики.

Следует отметить, что вне зависимости от содержания «исторического мифа», зародившегося в «политической сфере» и социальных страт его поддерживающих (включая представителей массмедиа), в нем проявляется «поведенческий компонент» мифа как социальной установки и его инструментальная (адаптивная) функция. Отчасти, эгозащитная. Крайне редко – функция выраженных ценностей (самореализации). И однозначно, процесс мифотворчества в политической сфере не имеет прямого отношения к функции организации знаний» – упорядочиванию системы социальных коммуникаций (включая межэтнические) на основе рационального восприятия и адекватного отражения действительности.

«Информационная сфера» в области национальной и конфессиональной политики охватывает структурные подразделения учреждений науки и высшего образования, в функции которых входит проведение научно-исследовательских работ, направленных на выявление, исследование и научное прогнозирование направленности и динамики этнических и конфессиональных процессов. В зарубежной историографии эта область активности, охватывается специалистами в области прикладной антропологии [17; 19-21] и «антропологии развития» [18], привлекаемыми на договорной основе как представителями государственной власти, так оппозиционными кругами. Выявление этой социальной страты, ориентированной на информационное обеспечение национальной политики от этапа ее формирования (политическая сфера) до реализации, тождественно определению «экспертного сообщества», ориентированного на адекватное отражение генезиса форм этнической экономики, места традиционных социальных институтов в политической, экономической и культурной жизни страны, истории межэтнических отношений, механизма соотношения общенациональных и этнических интересов и т.д. Принципиальное отличие представителей экспертного сообщества в этой сфере прослеживается в более высоких требованиях валидности применяемого научного инструментария для решения поставленных заказчиком задач. Это существенно ограничивает возможности «исторического мифотворчества», так как при последнем любая форма манипуляции историческими и историографическими источниками в интересах представителей управленческой и политической сферы полностью обесценивает предыдущие научные достижения исследователя и ставит вопрос об уровне его профессиональной компетентности и соответствия научной степени и звания. В этом контексте можно понять почему в российском научном сообществе современные учебники по истории государственных образований, выделившихся из СССР, рассматриваются в качестве историографических источников не столько по историческим, сколько по современным этнополитическим процессам. Признание же сферы информационного обеспечения национальной политики областью столкновения групповых интересов определяет тенденцию проведения интеграционных по характеру исследований, объединяющих специалистов разных научных направлений. Смена научных парадигм, последовательного отхода от методологии «марксизма-ленинизма» можно рассматривать и в качестве серьезного фактора разделяющее «экспертное сообщество» в политической и информационной сферах.

Заключение (Conclusions)

Комплексное (системное) исследование феномена «исторического мифотворчества» не как социальной установки, проявляющейся на всех уровнях

социальной организации, но и латентного по форме социального процесса существенно расширяет предметное поле в сфере прикладной антропологии (вариант: антропологии развития). Результаты пилотажных исследований в сфере отечественной прикладной антропологии (этнологические экспертизы) отражают, что этот феномен в среде локальных этнических сообществ не несет функции организации знаний о текущей обстановке. Он не имеет прямого отношения и к сфере информационного обеспечения национальной политики. В отдельных случаях может рассматриваться в качестве «обратной связи» – в форме воздействия (вариант, давления) представителей политического истеблишмента на исследовательские группы для корректировки экспертных заключений.

При «процессном подходе» исследования этого феномена, вне зависимости от хронологических и территориальных рамок, внимание исследователя объективно акцентируется на акторах (юридических и физических лицах, социальных институтах), этапах процесса, вовлеченных административных и финансовых ресурсах (как факторов воздействия на процесс), выполняемых функциях (как социальной установки) на каждом из уровней системы коммуникационных связей между тремя сферами национальной политики (управления, политики, информационного обеспечения). Процессный подход объективно формирует возможность определить «зоны ответственности» за применение «исторического мифотворчества» в качестве социальной технологии, направленной на дестабилизацию этносоциальной и межконфессиональной обстановки и фальсификации истории как государственной, так и этнической. В этом контексте этнические аспекты исследования феномена очерчивают зону ответственности органов власти, отвечающих за национальную политику, национальных общественных объединений, представителей массмедиа и научного сообщества, не соизмеряющих уровень компетентности с социальными последствиями публикации «авторского» видения современных этнических и профессиональных процессов.

С другой стороны, при определении предметной области не следует игнорировать факт, что на уровне конкретных, четко локализуемых этнических сообществ, мифотворчество объективно является и перманентным этнокультурным процессом, органически «вписывающим» семейную, родовую и этническую историю в контекст истории российского государства. Как и столетия назад «семейные» и «родовые» легенды XX в. несут функцию социализации приходящих на смену поколений. События мировых и гражданских войн, процессы социальной модернизации (построение общества социальной справедливости) как в индивидуальном, так и групповом сознании определяют функции формируемых «мифических представлений» как социальных установок разновекторной направленности (сфера столкновения групповых интересов). В этом контексте, отталкиваясь от аксиологического (оценочного) подхода, историческое мифотворчество может также рассматриваться и как перманентный фактор сохранения этнической самоидентификации и стратификации.

В целом следует отметить, что историческое мифотворчество представляет многокомпонентный, иерархически соподчиненный, многофакторный социальный процесс разновекторной направленности. Это позволяет рассматривать его как перспективный объект междисциплинарных исследований в области культурной, социальной и прикладной антропологии, этнологии, этнической социологии, социальной и этнической психологии и культурологии.

Литература

1. Алехина Ю. Как наша Россия выглядит в учебниках истории стран бывшего СССР // Комсомольская правда. Краснодар. 13.12.2017 г. URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/26769/3801851> (дата обращения: 5.02.2018).
2. Бойко В.И., Садовой А.Н., Нечипоренко О.В., Поддубиков В.В., Белозёрова М.В. и др. Этнологическая экспертиза. Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского района Кемеровской области. Новосибирск: Параллель, 2008. Вып. 2. 232 с.
3. Касьянов Г. Украина-1990: «бои на историю» // Новое литературное обозрение. 2007. № 83. 30 с. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/83> (дата обращения: 10.04.2019 г.)
4. Материалы совместного заседания Комиссии по вопросам информационного сопровождения государственной национальной политики, Комиссии по вопросам образования и исторического просвещения, Комиссии по миграционным вопросам и социально-культурной адаптации иностранных граждан Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям. г. Москва, Медиа-центр «Межнац-Инфо», 26.01.2018 г. // Текущий архив лаборатории этносоциальных исследований ФИЦ «Субтропический научный центр РАН». 66 с.
5. Методы этнологической экспертизы / под ред. В.В. Степанова. М.: Наука, 1999. 207 с.
6. Мурашко О.А. Опыт проведения этнологической экспертизы: оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп малочисленных народов Севера. М.: 2002. 131 с.
7. Поддубиков В.В., Садовой А.Н., Белозёрова М.В. Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов: методы прикладной этнологии. Кемерово, 2014. 358 с.
8. Россия – «коварный враг» и «оккупант», а мы – самые древние: чему учат детей в школах стран СНГ // Информационное агентство REGNUM. 31.12.2012. 6 с. URL: <http://regnum.ru/news/1610250.html> (дата обращения 03.03. 2019).
9. Садовой А.Н. Историческое мифотворчество в структуре этнологической экспертизы // Миф в истории, политике, культуре. Сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции. Севастополь, 2019. С. 398–402.
10. Садовой А.Н. Национальная политика как объект исследования: проблемы и перспективы системного и цивилизационного подходов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 43. С. 13-26
11. Садовой А.Н. Нормы обычного права в предметном поле этнологических экспертиз // Научный диалог. 2017. № 11. С. 410–424.
12. Садовой А.Н., Нечипоренко О.В., Поддубиков В.В., Белозёрова М.В. и др. Этнологическая экспертиза. Оценка воздействия ООО «МетАЛ» (ОАО ММК – Магнитогорский металлургический комбинат) и УК «Южный Кузбасс» (стальная группа «Мечел») на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашинской сельской администрации М.О. «Город Мыски. Кемерово: «СКИФ», 2005. Вып. 1. 216 с.

13. Садовой А.Н. Некоторые аспекты организации мониторинга реализации федеральной концепции национальной политики в субъектах Российской Федерации // Диалог культур: глобализация, традиции и толерантность: сб. ст. по материалам Всероссийской науч.-практ. on-line конф. «Диалог культур: глобализация, традиции и толерантность» (Кемерово, 16 ноября 2009 г.). Кемерово: КемГУКИ; ООО «Юнита», 2009. С. 27–39.

14. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года. Принята Указом Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666. 27 с. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения 04.02.2020).

15. Юдин Э.Г., Блауберг И.В. Системный подход, предпосылки, проблемы, трудности. М.: Знание, 1969. 48 с.

16. Юдин Э.Г., Блауберг И.В. Становление и сущность системного подхода. М.: Мысль, 1973. 270 с.

17. Baba, M. L. and C. E. Hill. What's in the Name "Applied Anthropology"? An Encounter with Global Practice // NAPA Bulletin. 2006. 25, no. 1. P. 176–207.

18. Cernea Michael M. Social Organization and Development Anthropology. The 1995 Malinowski Award Lecture Environmentally Sustainable Development Studies and Monographs Series. No 6. The World Bank. Washington. D.C. 1996. <http://documents.worldbank.org/curated/en/319641468740410065/Social-organization-and-development-anthropology-the-1995-Malinowski-award-lecture>

19. Fiske Sh., Chambers E. The Institutionalization of Practice in the United States. Paper for the 13th ICAES, Commission on Anthropology in Policy and Practice. Mexico, August 1993.

20. Fiske Sh., Chambers E. The Institutionalization of Practice in the United States. Paper for the 13th ICAES. Commission on Anthropology in Policy and Practice. Mexico, August 1993.

21. Podjed D., Gorup M., Mlakar A.B. Applied anthropology in Europe: historical obstacles current situation, future challenges // Anthropology in Action. 2016. T. 23. № 2. С. 53–63.

22. Smith M.B. Attitude Change // International Encyclopedia of the Social Sciences / D.L. Sills. Crowell. 1986.

23. Van Willigen, John. Anthropology in Use: A Source Book on Anthropological Practice. Boulder: Westview Press, 1991.

24. Yamskov A.N., Dubova N.A. A practicing ethnology in Russia: an overview // Studies in Third World Societies. 1997. T. 58. С. 263–281.

References

1. Alekhina YU. Kak nasha Rossiya vyglyadit v uchebnikah istorii stran byvshego SSSR [What Does our Russia look Like in the History Textbooks of the Former USSR Countries] // Komsomol'skaya Pravda [Komsomolskaya Pravda]. Krasnodar. 13.12.2017 g. URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/26769/3801851> (data obrashcheniya: 5.02.2018). (In Russian).

2. Bojko V.I., Sadovoj A.N., Nechiporenko O.V., Poddubikov V.V., Belozyorova M.V. i dr. Etnologicheskaya ekspertiza. Etnopoliticheskie, social'no-ekonomicheskie i etnodemograficheskie processy v srede teletov Belovskogo i Gur'evskogo rajona Kemerovskoj oblasti [Ethnological Expertise. Ethnopolitical, Socio-economic, and

Ethnodemographic Processes in the Teleuts of the Belovsky and Guryevsky Districts of the Kemerovo Region]. Novosibirsk: Parallel', 2008. Vyp. 2. 232 s. (In Russian).

3. Kas'yanov G. Ukraina-1990: «boi na istoriyu» [Ukraine-1990: "Fighting for History"] // Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]. 2007. № 83. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/83> (data obrashcheniya: 10.04.2019 g.) (In Russian).

4. Materialy sovместnogo zasedaniya Komissii po voprosam informacionnogo soprovozhdeniya gosudarstvennoj nacional'noj politiki, Komissii po voprosam obrazovaniya i istoricheskogo prosveshcheniya, Komissii po migracionnym voprosam i social'no-kul'turnoj adaptacii inostrannyh grazhdan Soveta pri Prezidente RF po mezhnacional'nym otnosheniyam. g. Moskva, Media-centr «Mezhnac-Info», 26.01.2018 g. [Materials of the Joint Meeting of the Commission on Information Support of State National Policy, the Commission on Education and Historical Education, the Commission on Migration Issues and Socio-Cultural Adaptation of Foreign Citizens of the Presidential Council on Interethnic Relations. Moscow, Media Center "Mezhnats-Info", 26.01.2018.] // Tekushchij arhiv laboratorii etnosocial'nyh issledovanij FIC «Subtropicheskij nauchnyj centr RAN» [Current archive of the Laboratory of Ethnosocial Studies of the Russian Academy of Sciences "Subtropical Research Center"]. (In Russian).

5. Metody etnologicheskoy ekspertizy [Methods of Ethnological Expertise] / pod red. V.V. Stepanova. M.: Nauka, 1999. 207 s. (In Russian).

6. Murashko O.A. Opyt provedeniya etnologicheskoy ekspertizy: ocenka potencial'nogo vozdeystviya programmy OAO «Gazprom» poiskovo-razvedochnyh rabot v akvatoriyah Obskoj i Tazovskoj gub na komponenty ustojchivogo razvitiya etnicheskikh grupp malochislennyh narodov Severa [Experience in Conducting Ethnological Expertise: Assessment of the Potential Impact of the Gazprom Exploration Program in the Waters of the Ob and Taz Bays on the Components of Sustainable Development of Ethnic Groups of Small-numbered Peoples of the North]. M.: 2002. 131 s. (In Russian).

7. Poddubikov V.V., Sadovoj A.N., Belozyorova M.V. Ekspertiza i monitoring tradicionnyh form prirodopol'zovaniya korennyh malochislennyh etnosov: metody prikladnoj etnologii [Examination and Monitoring of Traditional Forms of Nature Management of Indigenous Small Ethnic Groups: Methods of Applied Ethnology]. Kemerovo, 2014. 358 s. (In Russian).

8. Rossiya – «kovarnyj vrag» i «okkupant», a my – samye drevnie: chemu uchat detej v shkolah stran SNG [Russia is a "Traacherous Enemy" and "Occupier", and we are the Most Ancient: what Children are Taught in Schools in the CIS Countries] // Informacionnoe agentstvo REGNUM. 31.12.2012. URL: <http://regnum.ru/news/1610250.html> (data obrashcheniya 03.03. 2019). (In Russian).

9. Sadovoj A.N. Istoricheskoe mifotvorchestvo v strukture etnologicheskoy ekspertizy [Historical Myth-making in the Structure of Ethnological Expertise] // Mif v istorii, politike, kul'ture [Myth in History, Politics, and Culture]. Sbornik materialov III Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii. Sevastopol', 2019. S. 398–402. (In Russian).

10. Sadovoj A.N. Nacional'naya politika kak ob"ekt issledovaniya: problemy i perspektivy sistemnogo i civilizacionnogo podhodov [National Policy as an Object of Research: Problems and Prospects of Systemic and Civilizational Approaches] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]. 2018. № 43. S. 13–26. (In Russian).

11. Sadovoj A.N. Normy obychnogo prava v predmetnom pole etnologicheskikh ekspertiz [Norms of Customary Law in the Subject Field of Ethnological Expertise] // Nauchnyj dialog [Scientific Dialogue]. 2017. № 11. S. 410–424. (In Russian).

12. Sadovoj A.N., Nechiporenko O.V., Poddubikov V.V., Belozyorova M.V. i dr. Etnologicheskaya ekspertiza. Ocenka vozdeystviya OOO «MetAL» (OAO MMK – Magnitogorskij metallurgicheskij kombinat) i UK «YUzhnyj Kuzbass» (stal'naya gruppa «Mechel») na sistemy zhizneobespecheniya avtohtonogo i russkogo naseleniya CHuvashinskoj sel'skoj administracii M.O. «Gorod Myski. [Ethnological Expertise. Assessment of the Impact of MetAL LLC (MMK – Magnitogorsk Iron and Steel Works) and Yuzhny Kuzbass Management Company (Mechel Steel Group) on the Life Support Systems of the Autochthonous and Russian Population of the Chuvash Rural Administration of the Myski City Municipality]. Kemerovo: «SKIF», 2005. Vyp. 1. 216 s. (In Russian).

13. Sadovoj A.N. Nekotorye aspekty organizacii monitoringa realizacii federal'noj koncepcii nacional'noj politiki v sub"ektah Rossijskoj Federacii [Some Aspects of Monitoring the Implementation of the Federal Concept of National Policy in the Constituent Entities of the Russian Federation] // Dialog kul'tur: globalizaciya, tradicii i tolerantnost': sb. st. po materialam Vserossijskoj nauch.-prakt. on-line konf. «Dialog kul'tur: globalizaciya, tradicii i tolerantnost'» (Kemerovo, 16 noyabrya 2009 g.). Kemerovo: KemGUKI; OOO «YUnita», 2009. S. 27–39. (In Russian).

14. Strategiya gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskogo Federacii do 2025 goda [Strategy of the State National Policy of the Russian Federation until 2025]. Prinyata Ukazom Prezidenta RF ot 19.12.2012 g. № 1666. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (data obrashcheniya 04.02.2020). (In Russian).

15. Yudin E.G., Blauberger I.V. Sistemnyj podhod, predposylki, problemy, trudnosti. [System Approach, Prerequisites, Problems, Difficulties] M.: Znanie, 1969. 48 s. (In Russian).

16. Yudin E.G., Blauberger I.V. Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podhoda. [Formation and Essence of the System Approach] M.: Mysl', 1973. 270 s. (In Russian).

17. Baba M.L. and C.E. Hill. What's in the Name "Applied Anthropology"? An Encounter with Global Practice // NAPA Bulletin. 2006. 25, no. 1. P. 176–207. (In English)

18. Cernea Michael M. Social Organization and Development Anthropology. The 1995 Malinowski Award Lecture Environmentally Sustainable Development Studies and Monographs Series. No 6. The World Bank. Washington. D.C. 1996. <http://documents.worldbank.org/curated/en/319641468740410065/Social-organization-and-development-anthropology-the-1995-Malinowski-award-lecture>. (In English).

19. Fiske Sh., Chambers E. The Institutionalization of Practice in the United States. Paper for the 13th ICAES, Commission on Anthropology in Policy and Practice. Mexico, August 1993. (In English).

20. Fiske Sh., Chambers E. The Institutionalization of Practice in the United States. Paper for the 13th ICAES. Commission on Anthropology in Policy and Practice. Mexico, August 1993. (In English).

21. Podjed D., Gorup M., Mlakar A.B. Applied anthropology in Europe: historical obstacles current situation, future challenges // Anthropology in Action. 2016. T. 23. № 2. C. 53–63. (In English).

22. Smith M.B. Attitude Change // International Encyclopedia of the Social Sciences / D.L. Sills. Crowell. 1986. (In English).

23. Van Willigen, John. Anthropology in Use: A Source Book on Anthropological Practice. Boulder: Westview Press, 1991. (In English).

24. Yamskov A.N., Dubova N.A. A practicing ethnology in Russia: an overview // Studies in Third World Societies. 1997. Т. 58. С. 263–281. (In English).

Сведения об авторе:

Садовой Александр Николаевич

главный научный сотрудник, заведующий лабораторией этносоциальных исследований, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр Российской академии наук», доктор исторических наук, профессор (г. Сочи, Россия).

E-mail: sadovoy.a.n@gmail.com

Bionotes:

Sadovoy Alexandre Nickolaevich

Chief Researcher, Head of the Laboratory of Ethnosocial Research, Federal Research Centre the Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Sochi, Russia).

Для цитирования:

Садовой А.Н. Этнические аспекты мифотворчества. Методология исследования // Мифологос. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования», № 2, 2022. С. 118–132.

For citation:

Sadovoy A.N. Ethnic Aspects of Myth-making. Research Methodology // Mythologos. The Mythic Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies Series, no. 2, 2022. С. 118–132.